

Наум Ципис
(г. Бремен, Германия)

СНЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Наум Эфроимович Ципис наш постоянный автор. Учитель, журналист, писатель. Родился на Украине, учился в России, долгие годы жил и работал в Белоруссии, сотрудничал с журналом «Неман» (Минск), замещал главного редактора. Сейчас живет и занимается литературной работой в Германии. В одном из последующих номеров «ПЗ» планируем опубликовать его эссе «Прогулки с Мадонной. Возвращение Мадонны».

Я думаю, все мы плачем по ночам...

Сергей Довлатов

Я свободный человек милостью божьей.

Пьетро Арентино

Умные древние греки говорили: «Что не написано, того не было. Одного этого высказывания хватит для «оправдания» моих записок.

Обычный инструмент любого литератора — записные книжки. Они и стали в моей эмиграции своеобразным спасательным кругом и источником того, что вы прочтете.

«Дневник — записи, ведущиеся изо дня в день», — записано в «Словаре русского языка» Сергея Ивановича Ожегова. Если так, то мои «Сны...» не дневник. Это записки, заметки; этюды, не вошедшие в рассказы и повести; попытки рассуждений, — все это отражает душевные движения и чувства автора; факты «вокруг него». Невзирая на отсутствие систематики и хронологии, я надеюсь, что читатель найдет в написанном и приметы времени, и состояние души, оказавшейся в сильно необычных для нее обстоятельствах. И, конечно же, пишу в иллюзорной надежде: чтобы не пропало...

Иллюзия

В Бремене я живу на улице «Большой птицы». На этой тихой улице растут двадцать шесть берез. Одна из них — перед нашими окнами. Утром я с ней здоровался. Белое дерево — большая иллюзия... Проникновенно поет об этом Александр Городницкий:

* Фрагменты дневниковой книги; журнальный вариант.

*Над Канадой небо сине,
Средь берез дожди косые.
Хоть похоже на Россию,
Только это не Россия...*

Березы... — так похоже на Белоруссию. Там под моим окном тоже росла береза. Но Бремен не Белоруссия.

Утекло время, старая береза стала совсем старой. Однажды подъехал кран с люлькой, и завывла пила. Березу пилили по частям, начиная сверху. Профессиональные люди из немецкого «Зеленстроя» уехали через три часа и,— березы, как не было.

Их осталось двадцать пять.

Ночью я проснулся в тревоге и не сразу понял почему. Плакала жена. Она тяжелее переносит долгую разлуку с дочками и внуками, но плачет редко.

Утром я узнал, что то был плач по березе.

Иллюзия — большая часть живой жизни.

Только догадываться

Неожиданно и ярко пришло: ощущения старше тела. Одна из истин, которые открываются, когда считают нужным. Молодым они ни к чему: начнут думать там, где надо действовать. Возможно, то, что просится быть записанным, тоже родом из ощущений. Почему «оно» захотело стать текстом? Только догадываться: «советует» что-то вне тебя. Такова природа всего искусства.

Сознательное ремесло убивает творчество, сказал Казакевич. Пожалуй, в моих записках отсутствие «сознательного» даже превышает необходимый порог. Записывалось по принципу: хочется — не хочется, просится — не просится.

Коллекция

Лучшее высказывание двадцатого века: «Господа, будьте чуть менее принципиальны, но имейте сердце!» Сказал это поэт Давид Самойлов. Он же написал одно из лучших стихотворений той войны:

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые,
Война гуляет по России,
А мы такие молодые...*

Об этой войне мой винницкий знакомый, чуть не Герой Советского Союза, восьмидесятилетний полковник-танкист Михаил Гордеевич Крайний сказал лучшую личностную фразу о войне: «Я ее прополз раком от Сталинграда до Берлина».

А вот еще одно стихотворение войны. Его написал не поэт, а коллега Михаила Гордеевича по военной работе — командир танка, а после войны — профессор-хирург Иона Лазаревич Деген. В моей градации оно претендует на совсем лучшее из написанного о войне. Если в этой области человеческого духа позволительны такие классификации, то, возможно, даже, лучше, чем у Гудзенко, Некрасова и Быкова. Когда прочел, не знал, что делать с чувствами...

*Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не зови понапрасну друзей,
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони: ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки —
Нам еще наступать предстоит.*

Интересную коллекцию лучшего я невольно «собрал»... Упаси Бог от того, чтобы сгодилась и для начала века двадцать первого.

* * *

Слишком трезвый в этом мире не жилец, надо быть немного выше прагматизма.

Гармония

У пифагорийцев гармония — это согласие несогласных. Попробую расшифровать: лес из деревьев, народ из людей, Союз писателей из писателей, любовь — из слез и смеха.

Сегодняшняя любовь — из полуинтимных отношений... Хотел бы я знать, что это означает?

Пропорции

Для лакеев нет гениев,— это правда. Часто именно это произвольно, «само», подверстывается к произвольным же воспоминаниям о Янке Брыле, Василе Быкове, Григории Березкине, Науме Кислике, Владимире Короткевиче, Владимире Кудинове... Долго считать. Неназванные простят. Важно обозначить вектор.

Никто не скажет, ни оглядываясь, ни заглядывая вперед, насколько больше они прожили бы на этом свете, не будь лакеев. Но без тех были ли бы эти? Как-то все же это связано, какие-то весы взвешивают, и кто-то блюдет пропорцию...

Забыть ли мне... Задумал как-то «дурное» — ой, бабы — двигатели истории: доказать хотел любимой жене, что смогу! — и взялся писать диссертацию. Собирая материал, обнаруживаю интересную закономерность: если в учебной группе из тридцати человек десять двоечников, то с «другого конца» — примерно, столько же и отличников с хорошистами. А если класс средний, то одни серые тройки и красуются в журналах и ведомостях.

Думаю, что пропорции эти загадочные присутствуют во всем, что касается человеческой деятельности. И там уже не столь существенно Союз ли это писателей или ГПУ № 38. Кстати, помнится мне не раз сказанное Владимиром Короткевичем: «У нас в Союзе больше половины писателей — не писатели».

Перефразируя Раневскую, которая сказала, что еще застала порядочных людей, скажу, что я еще застал время, когда писатели умели писать.

* * *

Ощущение времени,— а это и есть жизнь,— изменяется при осуществлении творчества. «Мы стары для других, для себя у нас нет возраста,— сказал Сартр.— И это благодаря творчеству».

* * *

«Если природа иногда, в счастливые минуты, не принимает твой облик, то сама по себе она не имеет смысла». Одно это обнаруживает талант мыслителя в писательстве. Что уж говорить обо всем романе Генрика Сенкевича «Камо грядеши».

Это надо перечитать или прочесть в зрелые годы. Зрелые даже не интеллектуально, а житейски.

Любопытство миллионера

Есть у меня знакомый миллионер. Леня. В дни нашего, еще «до новой эры», знакомства, не было в нем ничего такого, что давало бы основание подумать о его будущем миллионерстве. Встретились мы, когда я, много лет спустя, приехал в Винни-

цу. Хорошо встретились, посидели... Пока он не привез меня в свой особняк, неподалеку от музея Пирогова,— там раскинулась винницкая Рублевка,— я и не подумал, что он богатый человек. Вел себя вполне прилично.

Познакомил с женой, красивой молодой женщиной. Я бы даже сказал, что слишком красивой. Хорошо, что держала себя так, словно и не знала, какая она. Обедали,— «Готовит сама, от кухарок отказалась». Осматривали особняк — «Бассейн в доме — это прихоть Лени. А розариум — это уже моя прихоть». Ужинали в кухне-столовой двадцать первого века. «Вы, наверное, думаете, что мы живем на очень широкую ногу? Это не так: Леня зарабатывает меньше, чем он бы мог». «Что вы,— отбил я,— мне и в голову не приходило задуматься над таким интимным делом, как материально-техническая база вашей жизни. Мне просто у вас хорошо. Да и не часто искупаешься в домашнем бассейне».

Потом смотрели новый фильм в домашнем кинозале. Пили вечером на веранде чудесное немецкое пиво с раками. Вечернее небо чуть подсвечивалось на горизонте огнями родного города. А звезды были такими же, как в нашей юности.

— Как ты стал миллионером?

Его ответ запомнился. Потому и пишу, что такой причины в таком деле не мог бы и предположить.

— В этом виновата моя жена. Понимаешь, старик, я и сейчас схожу по ней с ума. А вначале... Хоть звезду с неба! А потом стало мне интересно, при каком же достатке она перестанет жаловаться на недостаток денег. Как видишь, пока мое любопытство все еще в пути...

* * *

Попробуйте так поставить слова, чтобы они стали прозой, чтобы читателю некуда было от них спрятаться: или смех, или слезы, а если смех сквозь слезы — вы талант.

* * *

Неограниченная безответственность.

Воинствующий диалог

Культура диалогична. С изменением обстановки изменяется и содержание культуры. И не только создающейся, но и, как бы это ни показалось странным, бывшей тоже. Рушатся идеи, заложенные и в той, и в этой. Субъект культуры изменяется ее объектом. И в свою очередь начинает изменять объект, который «восстает», рушит «базу» и строит заново. Перелом. Так настоящее меняет не только себя, но и прошедшее.

Следует ожидать...

Там, где природа родила живое, там в самой высшей форме проявила себя Мировая Гармония. Там, где уничтожается живое, нарушается главный закон Вселенной — Гармони и Равновесия.

Жизнь, которую убивают, не прощает этого. Она есть результат высшего замысла, который не знает ограничений в деле ее охраны.

Следует ожидать космического возмездия.

Самый быстрый способ

В Освенциме к услугам эсэсовцев был футбольный стадион, библиотека, театр, фотолаборатория, плавательный бассейн, симфонический оркестр. Вот меню одного из обедов офицеров этого лагеря в 1943 году: «Томатный суп, половина цыпленка с картофелем и красной капустой, ванильное мороженое».

Именно в день, когда был подан такой обед, доктор Менгеле открыл самый быстрый на земле способ борьбы с тифом: всех заболевших он отправил в газовые камеры. Эпидемия немедленно прекратилась.

Пинок в зад

В концлагере Дахау перекличка. Дважды называют номер еврея Давида Людвиг Блоха, а он глухой... Толкнул сосед. Трое суток чистил нужники. Только.

Даже здесь, в аду, Блох был несуразен. Эсэсовцы по приказанию коменданта подвели его к тем самым воротам, на которых было написано: «Каждому свое» и дали пинка в зад.

Талант и личность

Не без удовольствия перечитал солоухинские «Кумушки на ладони». Умно, точно, отменный литературный вкус. Созвучий масса: о первых книгах, которые потом никак не «догнать», о том, что отрицательные персонажи нам более интересны и понятны, потому что в каждом из нас есть зародыш зла... И вот это: «Чтобы защищать и сохранять свою культуру, достаточно быть русским, грузином, немцем, итальянцем... Чтобы сохранять культуру другого народа, надобно быть не меньше, чем человеком». О том, что лучше всего человек исполняет свою должность, когда он не боится ее потерять. И, если слово не обеспечено чувством, происходит его инфляция. И о том, что благословенная и целесообразная эволюция превратила морду обезьяны в прекрасное женское лицо, и, что «высшее счастье человека — принести радости другим людям»...

Есть там размышления о разнице между стихами и поэзией, и удивление тем, что Земля не перестала рожать детей... И что забыто слово «скромность».

И, наконец,— что «степень единственности найденного слова есть единственная мера таланта», а «человек есть его поступки».

Надо различать талант и личность в одном человеке. И не обязательно личность будет соответствовать таланту. Гений и злодейство, вопреки мнению гения, могут быть совместны чаще, чем хотелось бы. Но, как заметил Метерлинк в книге «Разум цветов», «экземпляр может ошибиться, но целый вид разумен и мудр». Дай-то Бог...

В эпоху, когда даже пороки деградируют, позволительно сомневаться в самых замечательных сентенциях. Только не в этой: «Смотри вперед со всех сторон». Это сказал военрук нашей винницкой железнодорожной школы Федор Тимофеевич в 1947 году.

«...даже если она ошибается»

Из моей записной книжки первых лет работы в газете: «Пожалуй, я еще могу понять фанатизм, когда он не на зарплате». Хорошо кто-то сказал.

В короткий период работы в «Пионере Белоруссии» я написал книжку о «бойцах железной ленинской гвардии». История ее не появления тоже интересна, но сейчас не о том. Был там очерк и о Бабушкине. Хороший парень. Работяга. Доверчивый и бесхитростный. Его Ленин любил. А уж, как тот этого... И вот, через почти 50 лет после моей службы на благо белорусской пионерии, встречаю в откровениях Бабушкина: «Советская власть столько для меня сделала, что я могу умереть за нее, даже если она ошибается». И хотя это и был бескорыстный фанатизм, но я его все равно не понял. Возможно потому, что прошло 50 лет...

Мои читательницы

«Если у читателя возникло ощущение, что читаемое написано только для него, то это и есть литература, и так надо писать». Эта предположение, вычитанное у кого-то

из умных литераторов, дало мне возможность надеяться, что, по крайней мере, дважды в жизни я написал «так, как надо».

Первый раз такое ощущение испытал много лет тому, когда вышла моя первая книжка. Я ехал в троллейбусе и увидел ее в руках «обыкновенной» женщины. Она сидела, отрешенная, читала и... улыбалась! Боже, какая же она была красивая! Какой же еще может быть женщина, читающая мою первую книгу? А для чувств, которые я тогда испытал и продолжал испытывать несколько дней, я и сегодня слов не найду.

Второй раз подобное случилось много лет спустя. Закон парных чисел не торопился проявить себя. В русском журнале «Литературный европеец», который выходит во Франкфурте-на-Майне, была напечатана моя повесть-эссе «Миленький ты мой... Милая моя...». Через несколько номеров там же появилось письмо московской писательницы Ирины Кедровой. Спасибо судьбе — дождался такого моего читателя.

Я не публикую это послание только потому, что все там написанное мне трудно полностью «взять на себя». Оно, это письмо, могло бы стать предметом беседы со студентами Литинститута и материалом для работы литературоведа, а не только эмоциональным знаком моей литературной биографии. Прочитав два предложения из этого большого письма: «Когда читала — любила всех! И гордилась тем, что я Женщина!»

Не только прочла и почувствовала, но и написала, наградила.

Чистое место

Уже ничего от него не осталось, почти ничего. Даже останки каменных стен и те беспризорной травой и кустами поросли. Бывший Успенский монастырь. Осталось восемь развалин, похожих на жильё. И так ложится на это запустение название Пустынки, — поселок сразу за Мстиславлем, если ехать сюда от Минска. Четыреста шагов до России. ...Года четыре, как пришли сюда монахи и на месте знаменитой когда-то святой криницы восстановили церковь и построили купальню. А сами стали жить в брошенной школе.

Во время войны здесь еще был детский дом. И никто из детей не погиб, — немцы сюда не дошли. Почему? Живет тут давняя легенда, ей уже более шестисот лет. Мне ее рассказала старая женщина, у которой я квартировал четыре командированных дня.

Был у князя Альгерда сын, звался Лугвен. И ослеп тот сын. Уже лет ему было семнадцать, как вдруг перестал видеть. Каких лекарей ни звал князь, какие шептухи ни колдовали, никто не смог помочь хлопцу.

...Тихие стоны слышались в ночи из княжеской опочивальни. То боролся с тяжкими снами великий князь. А снилась ему одна и та же молодая дочка лесника, почти дитя еще, только грудки в вырезе рубахи молодо и призывно глянули розовыми сосками на князя, когда остался он перед охотой ночевать в лесниковой хате. «Без матери растет...» — сказал лесник, заметив взгляд князя.

Перепились шляхтичи и слуги князевы, а утром обнаружил Альгерд в своей кровати ту девочку. Потом уже рассказал ему кузен, что выгнал он всех и приказал холопам связать лесника, а девку привести ему... Было ей тринадцать лет.

Похмелились и поехали за лосем. Когда поджидали царя пуши, подошел к нему лесник и бесстрашно сказал, наперед похоронив себя: «Отольются тебе, княже, сиротские слезы. Хуже не бывает: сын твой за тебя света белого видеть не сможет». Так и случилось: враз, ни с того, ни с сего Лугвен ослеп. Года три парень учился жить слепцом и не сумел. И уже вызрела у него решительная мысль: так жить дольше, не видя солнца и девичьей красоты, нет сил. Тут-то и подоспел бродячий песнярь, старец один. Увидел Лугвена и сказал ему: «Пусть отец познакомит тебя с твоей сестрой, что в лесу живет, пусть возьмет ее во дворец, а ты после этого иди в болота, найди чистую криницу и омой глаза...» Сказал и пошел своей дорогой.

Нашел Лугвен криничку, голосистую такую, серебряную, сама позвала княжича.

Присел у ключа, отдохнул и омыл глаза. И первое, что увидел — нимфу лесную невиданной красоты. Привел ее Лунгвен к отцу и оказалось, что это и есть его родная сестра. Стала она жить в княжьем усадьбе. А в лес, как в родной дом ходила. Он и вырастил ее. Лесник же давно помер. Не от старости — от горя: рожая нимфу, девонька его младшенькая, отдала Богу душу.

Все королевичи европейские приезжали потом сватать незаконную дочь князя: таких красавец даже лес выпестовывает раз в сто лет. Только старому князю святая криница греха не отпустила: до смерти снилась ему та девочка. Хотя и реже, чем прежде.

А в ту неделю счастливую, в чистый понедельник, увиделась Лунгвену Божья Матерь, словно кто в окно ему икону поставил... Пошел княжич к отцу и рассказал ему про видение. И решили они поставить возле той кринички монастырь. Три года строили. Как раз к Успенью и закончили. Так и назвали его — Успенский. И было это в 1380 году.

Такую легенду рассказала моя хозяйка и добавила шепотом: «А в одной монашьей опочевальне недавно чудо случилось: появился лик Христов...»

Слух идет, что грешников, которых простить можно — лечит, а которые уже переступили черту — тем может еще хуже быть. Те сами сюда не ходят. Опасаются. Место здесь чистое. Потому, наверное, и не дошли немцы.

* * *

Упаси Бог от мужчины «самостоятельного» в любви. В этом, очень главном, он только тогда хорош и для женщины, и для рода, когда служит.

Вигдорчик, Козинцев, Шостакович и Гамлет

Один из близко знакомых эмигрантов, блокадник и ветеран Ленфильма, звукорежиссер Игорь Вениаминович Вигдорчик, человек-история нашего кино, как-то в разговоре о Шостаковиче сказал: «Наверное, таким, каким я однажды, мало кто его видел...». И я услышал, как говорят сегодня, эксклюзивный эпизод об одном рабочем моменте съемок фильма «Гамлет».

Григорий Козинцев уговорил Шостаковича написать музыку к этому фильму. Факт постановки этого произведения Шекспира уже был событием. Съемки шли трудно и нервно. Каждую неделю комиссия просматривала отснятый материал. Игорь Вениаминович работал тогда на студии начальником цеха звукозаписи. К нему и обратился Козинцев с просьбой подобрать какую-нибудь приличествующую очередному отснятому материалу музыку, чтобы не показываться комиссии, как выразился классик, «в сухую». Дело в том, что свою музыку фильм должен был обрести тогда, когда будет смонтирован весь видовой ряд. В тот раз благополучно просмотрели под музыку Бетховена и Моцарта.

После этого на второй день в студии звукозаписи Дмитрий Дмитриевич показывал очередной вариант своего музыкального «момента». Козинцев, режиссер не из легких, в который раз отверг сделанное. Шостакович, уже тогда живой гений, сидел с видом семиклассника, не сдавшего экзамен. «Дима,— сказал Козинцев,— Дима, ты же слышал, как вчера на просмотре прилично звучали Бетховен и Моцарт. Слышал? Ну, вот и напиши так!» «Я так не могу...— потеряно сказал гений.— Я так не умею...». «Все ты умеешь! — высоким голосом заявил Козинцев.— Умеешь, но не хочешь!» «Гриша, я лучше вообще не буду писать музыку к этому фильму. У меня Шекспир не получается...». «Коне-ечно... А кто же сумеет, если ты не сумеешь? Давай договоримся: завтра я жду тебя с этой темой. В конце-концов, ты сам когда-то любил и должен понимать, что чувствует молодой человек, когда видит любимую. О времени договоримся по телефону». Понурый, погасший, маленький Шостакович вышел из студии.

На завтра Козинцев созвал «малый совнарком» и попросил Вигдорчика включить аппаратуру. Гениальная музыка заполнила помещение: десяток работников «Ленфильма» слушали чувства влюбленного и страдающего Гамлета. У Шостаковича было светлое, но отстраненное лицо.

...Сколько раз я пытался убедить Игоря Вениаминовича, что ему следует написать воспоминания. Мало того, что обретет дело, так ведь еще и будет это дело общественно-полезным. «Забыл уже, как оно было. Факты... Детали... Хронология...» — отбивается он.

Хорошо об этом сказал Толстой: «Все, что вспоминается — надо записать, но не так, как было, а как вспомнилось. Важна биография внутренняя, а не внешняя. Искусству вредит консерватизм, преднамеренность, сознательность». Это я и прочел Вигдорчику. Если мемуары появятся, значит, Лев Николаевич был не только краток, но и убедителен.

* * *

Не первое пришедшее ко мне после многих лет братания со словом (дай-то Бог, чтобы и слово так «думало»): «Писатель не должен стеснять себя в том, что он пишет».

В силу государственной необходимости

Поручили нам, режиссеру и двум литераторам, написать «ответственный сценарий республиканского значения». Режиссер выговорил условия.

Нам достались санаторные апартаменты секретаря ЦК по идеологии. Материальная среда этого эдема показала нам возможности нашего государства. В таких условиях мы за месяц написали сценарий, который удовлетворил заказчиков. Праздник прошел хорошо, мы удостоились личной благодарности и верховного рукопожатия.

Глядя преподносимые сегодняшним телевизором «легальные» кадры золотых и икорных приемов и тусовок, представляю, каковы же нынешние «подпольные» санатории, которые функционируют «в силу государственной необходимости». Какой впечатляющей силой наполнено это спокойное и могучее словоблудие: «В силу государственной необходимости»...

* * *

На театральном семинаре ВТО в еще несгоревшем тогда «Доме актера» на улице Горького на мой вопрос о принципах постановки оперы: «Как это объяснить?», Борис Покровский ответил: «Если хотите уничтожить искусство — попробуйте его объяснить».

Приличие безобразия

«Вишневым сад». Лопахин: «Всякое безобразие должно иметь свое приличие». Прямо в глаз сегодняшним, вывернувшимся наизнанку, нуворишам.

* * *

Узнав, сколько стоят похороны «социального» человека в Германии и, сравнив с сегодняшней ценой на это там, у нас, эмигранты сильно радовались. Шуточка... А ведь правда — радовались.

* * *

Читаю много и не лучшую литературу — пусть душа после непрерывной каторги имеет отдушину «легкого поведения». Иногда и там попадают мысли-факты, и в который раз понимаешь, — давно уже понято, — что и талантливые литераторы вы-

нуждены подстилать себя под нынешнего читателя: ерническое «кушать хочется» — стало чуть ли ни бронзовым оправданием «кушать подано». А что в момент эйфорического презентирования изувечиваются навсегда...

Привет сэру Уильяму Ли!

Для меня давно уже стало объективностью: сделанное на земле мужчиной, сделано исключительно ради женщины и для нее. Подтверждений не счесть. И Пушкин тут, и Толстой, Шаляпин, Чехов, Бунин... Извините, но и Маркс с Энгельсом тоже. Далее, при нормальных мужчинах,— везде. И на радость всем женщинам, а не только безвестной вязальщице Джейн, возлюбленной сэра Уильяма Ли. Он изобрел вязальный станок, чтобы облегчить труд любимой. В дальнейшем, благодаря этому, появились и чулки, и колготки. Какая без них женщина? Где были бы эти милые движения, позы, фигуры — тайны и неожиданные разгадки — вся высокая игра, предвещающая «голое» продление рода... А не влюбись сэр Ли?

* * *

Сегодня нарушено даже это — исконно наше! — триединое равенство — в церкви, кабаке и в бане. Всемогушая «троица» сегодня это — насилие, богатство, власть.

...в храмах фундаментальных сущностей

Многое можно стерпеть. Но когда созидатели социальной энтропии, при которой не то что жить,— достойно быть похороненным невозможно; когда они отправляют свои естественные нужды в храмах фундаментальных сущностей... Тут даже с нашей тренированностью не получается удержаться в рамках нормативной лексики. Но дело не в лексике. Дело в правде, которая еще и за столом-то не сидела; и в хлебе, которого всегда не хватает. И где же он, тот, самый Высший суд, обещанный вами, Михаил Юрьевич? Не пора ли,— человеческой истории на Земле миллион лет,— не пора ли, не дожидаясь помощи Неба... «Русь, куда же несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик...»

Человеческое состояние души

Толпа не может быть счастливой. Агрессивной, опьяненной, экстатированной — от водки и крови, от обожания вождя... А счастливой — нет. Счастливым может быть, и то редко,— человек. Высшая форма счастья — вдвоем: мужчина и женщина. Но это так редко, что только подтверждает мысль о малой, даже математически, вероятности счастья. И если его из «вещи в себе» превратить в «вещь для себя», то откроется суть: счастье — редкий подарок небес избранным людям, абсолютно человеческое состояние души.

* * *

Артист Лев Прыгунов: «Русскому человеку важны не вещи, не явления, а то, что он о них думает». Ай да артист! Психолог и настоящий патриот.

Кельты

Мне всегда нравилось слово «кельты». Есть в нем таинственное и суровое наполнение. Отражается в этом слове древний народ не только с историей, что есть у всех народов, но и с судьбой. И судьба эта, как я понимаю, тесно связана с их образом жизни: они много воевали.

Недавно прочел книжку серьезного ученого о «жизни за чертой» и получил дополнительную порцию симпатии к кельтам. Они, оказывается, твердо, без малейшего

сомнения, верили в загробную жизнь. Это и понятно: слишком много смертей видел этот народ. Они очень сильно хотели встретиться со своими убитыми отцами, молодыми братьями, любимыми. И эта вера родила симпатичную и уникальную возможность, которую больше ни в каком народе мне не встретила. Вы могли одолжить деньги на этом свете, а отдать их на том.

* * *

...Не принимайте процветающих героев за героев положительных. Чаще бывает наоборот. А сейчас — почти всегда.

«А теперь уже и не нужны...»

Большой поэт живет в Минске. Борис Жанчак. Слагает стихи, я бы сказал, по поручению Бога, и не рвется в печать. Читает друзьям, любителям поэзии, когда приглашают. Живет не суетно, спокойно, с легкой ироничной улыбкой «за пазухой». Я пишу о нем, не «ради» стихов, а только, чтобы вы прочли одно его высказывание. Записал, когда мы сидели на скамеечке у входа в Художественный музей, поджидая товарищей. «А теперь, когда сил не осталось, начинаешь понимать, что они уже и не нужны», — сказал он, и я так ясно представил: как много пройдено дорог...

Определение

Профессор Ростокского университета, Бергер, снайперски определил то, что происходит на бывших советских просторах: безудержный капитализм.

* * *

Днем он совершал грехи — большие и маленькие, это уж, как карта ляжет. Все определял текущий момент. А вечером, где-то так с 21.30 и до, примерно, 22.00 заставлял их перед иконой Божьей Матери, дорого купленной для этих нужд. Когда того требовала не только душа, но даже и желудок, — чувствительный, зараза, чуть подлянка выше нормы — расстраивается, как будто у него есть своя, автономная, поджелудочная совесть, — тогда уже и свечку перед иконой ставил.

* * *

Сказал это не литературовед, а историк оперы Герман Кречмер: «Литература хороша, когда слово служит. Литература плоха, когда слово становится самостоятельным».

* * *

«Кто в богатстве не заносится, а в бедности не пресмыкается все же ниже того, кто в богатстве благопристоен, а в бедности весел». Тут я стопроцентный конфуцианец. Жаль, нет возможности пожать ему руку. Ему и Омару Хайяму. Оба, но в разные для моего мировоззрения времена, как говорят на Украине, взьюшили мою душу.

* * *

Счастье, когда есть о ком тосковать. Оно же — несчастье.

* * *

Глаза за очками с плюсовыми диоптриями — будто взгляд голой биологической сути, неподверженной логике, недоступный морали, равнодушной, хладнокровной... Как взгляд гигантского всегда голодного насекомого. Может, это и есть истинный

человеческий взгляд? Ведь линза, ничего не меняя, только увеличивает. А если нет, то почему же в мире происходит то, что происходит?

...Только один «риторический» вопрос, всего один перед тем, как отведу взгляд от тебя, хлопчущей у плиты: «Сколько женщин в последнее время погибло на Земле от рукотворной смерти?» Бабушки,— теплое человеческое основание жизни своих внуков; матери-жены — сама жизнь отцов и детей; не любившие еще и не рожавшие девушки — надежда планеты... А сколько среди них таких красивых и драгоценных, как ты...?

* * *

Нет ничего прекраснее спящей любимой. Разве что смеющийся ребенок.

* * *

Пушкин Нащокину:

— Утром проснулся и не могу вспомнить... А ведь приснилось гениальное стихотворение... Ночью-то помнил. Хоть плачь, душа моя!

— Так чего же не встал записать?!

— Жаль было Наташу будить...

* * *

Пришло время эстетической прозорливости. Видно, настала ее пора. Теперь живу, доверяя эмоциям.

* * *

Как там говорил народный герой своему ординарцу: «Замечательная жизнь будет, Петька!» И какая же она сейчас, жизнь начала третьего тысячелетия...? Стыдно даже перед вечностью.

Где ЭТО родилось?

К любимой женщине возвращаешься и возвращаешься, и никак не надоест. Дай Бог, чтобы сердца хватило. И только она и одна она! Ворожба все же есть, ребята. Да знаю я, что вы скажете, знаю. Вы правы. В этом лесу нет двух одинаковых деревьев, как нет одного пирамидона на все головы. Но загадка же, одна на все головы, есть. Почему тебе смертно нужна только эта, а мне — неодолимо только та?

Мой мудрый друг, закаленный в этих боях, говорил, что все женщины созданы на единый манер, и что он еще не встретил ту, которая была бы устроена по-другому. Это так. Но тогда, действительно, выходит, что не «хлебом» единым. Хотя эта и сдоба, и земляника, и мед...

Весной стон стоит по всей земле, особенно у теплых морей, где женщины, обнажаясь, входят в синюю, круто соленую воду. Но все эти прелести и вкусы обретают для тебя смысл и становятся принадлежностью богини, а не только женщины с выразительной фигурой, когда глазам вдруг стало больно смотреть на нее. Слово теплым ветром веянуло, и сердце на миг остановилось. Высоко-высоко улыбнулось Небо: «Пусть им будет сладко, а мне — жарко. И пусть сотворятся здоровые умные дети...»

— Боже,— ошеломленно шепнул я сам себе,— разве ЭТО здесь родилось?

Из моря выходила моя будущая жена. Тогда я увидел ее впервые.

Фобия

Я часто задавал себе вопрос: почему меня так привлекает, притягивает тема моего замостянского детства и юности; почему я всю жизнь пишу одну, “винницкую”, книгу. Конечно, каждый пишущий человек укладывает в фундамент любой книги

свой опыт — чужим до читателя не достучишься. Но что-то в моем пристрастии есть еще, кроме «толчкового момента» и психологической школы.

Я немало об этом думал и понял, что определенного ответа не найти, потому что область эта подчинена чувству, где вообще не бывает определенности. Но, радостно уходя от перманентной эмигрантской тоски-печали в свое прошлое, я, кажется, обнаружил одну из причин неизбывной душевной привязанности к моему поколению, без которого нет моего времени.

Тогдашние атланты уже отдержали небо на своих совсем не геркулесовых плечах. Держали так, что сами окаменели и стали землей. Кто его держит сейчас? Наверное, и вы заметили, что сегодня над нами низкое небо. Я думаю, что уроков, усвоенных нами на всю жизнь, сегодня даже случиться не может — человеческий материал иной. Когда-то я, сумасшедше влюбленный, говорил своей будущей жене: «Мы вступаем в полосу света! «Сегодня я хочу сказать, пусть только тем, кто это прочтет: «Вы вступили в эру духовной обломовщины». Если бы я так думал — я так чувствую. Здесь меньше ошибок. Хотя, может же быть у каждой эпохи своя полоса света и своя духовная обломовщина?

...Такой вот душевный протуберанец попросился быть написанным. Он и для меня самого хоть как-то прояснил одну из главных моих «фобий».

Белкания, Петя Килимчук и я

В Виннице одно время были хорошие автомеханики и врачи. И вот, чинит свою тогда редкую в частном владении машину «Волга» хороший «сердечный» хирург Ираклий Белкания. Я его хорошо знал: он моего отца спас. У отца был панкардит — воспаление всех оболочек сердца. Это редко кончается хорошо. А Белкания, главный хирург железнодорожной больницы и почетный железнодорожник, спас от смерти начальника поезда и тоже почетного железнодорожника, моего отца. Я, приехав в отпуск и узнав это, — мать не писала: отец не разрешал, да и согласна она была с ним, — пригласил Ираклия на наш стадион, поговорить и посидеть. Он с виду важный такой был, но не отказал. Только спросил, почему на стадион. Там много воздуха и мало людей, ответил я ему. Он кивнул, согласился.

Разложил я на скамейке сало, помидоры, хлеб, зелененький молодой лук и разлил в мамины серебряные стопки дядипетин самогон, настоянный на хрене и клюкве. Выпили, разговорились. Я даже признался ему, что его хирургическая сестра мне понравилась. Он обещал познакомить. Тепло так получилось. Когда он кончил о себе рассказывать, самогон тоже кончился.

Разрешил мне написать о нем очерк под оригинальным названием «Главный хирург» в газету со смешным заголовком «Юго-западный железнодорожник». Не хотел принимать в подарок серебряные стопки. Но я сказал, что они и такие же ложки вместе с нами пережили войну, и больше ничего в доме от довоенных лет не осталось, и что если он их не возьмет, то обидит мою маму и нас с отцом. Он молча обнял меня и сказал — у него был сильный грузинский акцент: «Давай, слушай, будем всегда встречаться на этом стадионе и никогда в моей операционной». Что я мог сказать в ответ? Я сказал: «Давай!».

Ираклий был хорошим хирургом. А Петька Килимчук, мой одноклассник, сосед по нашему барачному дому и друг, был хороший автомеханик. Примерно, в такую же силу, как Ираклий хирург. И вот, сосватал я его Ираклию, когда у профессорской «Волги» мотор закапризничал.

Регулирует Петька какой-то там дроссель, — я в этом разбираюсь так же, как Петька в силлаботоническом стихосложении, — и спрашивает у Ираклия: «Сколько ты получаешь?» Услышав ответ, прервал работу и говорит: «Почему, же при одинаковой работе, — ты перебираешь моторы, и я перебираю моторы, — тебе платят в че-

тыре раза больше, чем мне»? Тогда Иракий подходит к своей «лялечке», включает зажигание и говорит Петьке,— и я этот ответ не забыл до сей поры: «Перебери при работающем моторе».

В конце работы, когда мотор спел свою песню, как известная в то время певица Литвиненко-Вольгимут, мы, конечно взяли по малой чарке, и Петька, поблагодарив меня за такого клиента и, пожав профессорскую руку, сказал, что всегда будет рад Ираклию Ашотовичу.

Такая вот, помнится мне встреча представителей трех народов — украинского, грузинского и еврейского. Было время...

На кухне у моего друга Вити Фармагея

Винница. Замостье. Сидим с Витей на кухне, закусываем после свежего самогона: сегодня ночью выгнали. Крепкий, зараза, как спирт, нескольких градусов до медицинского не хватило. Закуска настоящая — сало, домашняя колбаса «пальцем пханая», помидоры, красный сладкий лук, огуречики малосольные, конечно... Одним словом, хорошо.

Заходит Ваня, внук Витин, оторва, не хуже Яшки, хотя ему только пять лет. Сам Яшка говорит, что смена ему растет достойная: Замостье скучать не будет. И то! Людка, Витина жена и бабушка Ваньки, гордясь, называет его отродьем.

Рассказала мне такое. Входит она в «залу», а Ванька, ему тогда было года три, стоит на телевизоре, до пола метра полтора, а до двери метра четыре, и кричит: «Баба, лови!»... Как она эти метры в волейбольном броске преодолела и поймала внучка,— объяснить не смогла, только сказала: «А я ж в волейбол никогда не играла... Так только на пляже, в кружочке. А вот же, поймала эту заразу!» «То, Люда, был не спорт, а инстинкт самосохранения: если бы Ванька убился, ты б гвоздик вбила, свила бы петельку и сама в нее полезла бы...» Договорить не успел — надо было спастись. Рука у Людки была нелегкая и быстрая. Даже любимые внуки это знали.

Так вот этот самый Ванечка, достойная смена «петлюровца» Яшки и любимое дитя Людки, для которого она была последней инстанцией, появляется посредине нашего с Витей дружеского завтрака и спрашивает: «Деда, ты с тетей Любой спишь?» Пауза нужна была для того, чтобы мы с Витей переглянулись долгим взглядом: от же ж бабы... ну же ж бабы... нема куда языка сунуть?... при детях несут абы што... даже если... то ж внук все же... Подруги, не разлей... Разбирайся тут, шоб лица не потерять...

Витька ответил твердо, как и полагается отвечать внуку: «Нет». Но ребенок был выраженным «почемучкой» — так напоминал мне меня... — и спросил: «Почему?». Витя нашелся быстрее, чем я мог предположить. А главное, он выдал ответ, который обрубал возможность дальнейших вопросов: «Бабушка не разрешает».

Ну, Витька!.. Без комментариев! Наливай!

Дядя Петя, мой сосед

Дядя Петя, мой сосед по винницкому дому-бараку, любил непонятные слова. Встретит такое слово и долго его учит. А потом поражает слушателей на Скамейке у подъезда. Несколько примеров:

— Посмотри, как сидит в своем кабинете начальник. Сразу видно, где шахрай, а где еще ничего. Особенно после проверок и ревизий. Незаметно так, оглядывается и трогает, трогает кресло под собой, убеждаясь, что оно еще есть, и это он на нем сидит... Или уже его нету и сидит он в совсем другом месте? Они ж токо тогда убеждаются, что не тотипотентные*, када их за зад берут.

* Всемогущие (лат.)

— Шо касаемо выпить-закусить. Скажу так: как его подавать, шо подавать, шо за чем, и шо после чего,— то не наш вопрос-пытання. А от, скоко пить, у чыстым виде, то вопрос наш и сильно серьезное пытання.

— Есть в нашей мове такое непреклонное слово из трех букв... Не-э, хлопцы, вы не то подумали. Када его говорят, то оно получается, как неукоснительное «нет!» А от, када пишут, то тада уже, как вы подумали.

Дядя Петя и дядько Мукомол перед налитыми чарками на нашей Скамейке. Дядько Мукомол нерешительно:

— Петро... Треба шось кынута на ныз...

Дядя Петя — решительно:

— Треба меньш кушать, Ярема, от, шо треба.

— Чому?

— Тому, шо закуска убивает градус.

— А-а... Ну, тоди поихалы...

Небольшая пауза

Дядя Петя:

— Ну, шо,— наливай по второй, шоб не хромать.

Открытые окна нашего дома. На втором этаже гремят кастрюли и бьются тарелки. На Скамейке мы и дядя Петя.

— Надо, если здесь жить, то изучать бронтологию,— говорит Левка, замостянский вундеркинд.

— А шо оно за одно? — немедленно спрашивает дядя Петя.

— Наука про гром.

— А-а... Если по той науке, то мы бы сейчас уже знали, попало Яреми у голову, чы, може, токо у стенку. Полезная наука. Скажи еще раз, как она называется?

— Бронтология.

— Надо запомнить... Достаньте, хлопцы, книжку про это. Мы с Яремой будем изучать, бо бывает, шо и моя Мотря тоже када-никада чем-то гремит...

Дневник дяди Пети

Почитал дядя Петя мою книжку о Виннице и, не удержался, показал толстую общую тетрадку:

— С недавнего, так года с два, запишю сознательные мысли... Как считаешь, Клян, заголовок правильный или надо еще думать? — тихо спросил Цымбал, посвящая меня в «стыдную» тайну существования дневника.— Ни-ко-му! Понял? — уже не тихо и строго приказал. — На старости годов хреновную зайнялся...

— А тетя Мотя знает?

— Ты шо, совсем?! Она в первую чергу, не знает и знать не должна! И так полжизни нема, у чыстым виде...

На первой странице тетради печатными буквами редкими тогда черными чернилами было написано: «У чыстым виде». Я и сейчас завидую такому заголовку. Он был не только оригинальным, он душу автора распахивал навстречу будущему читателю. Вас сразу приглашали за стол, за которым будет праздник откровения и доверия, и чарка, как полагается, будет,— он обещал душе отдохновение.

Я сказал, что заголовок мне нравится. Дядя Петя, успокоившись, тут же снова заволновался:

— Може, читанешь, шо я там намалювал? Може, и не стоило... То опять сяду у домино и карты...

Взял я тетрадку...

Дяди Пети давно уже нет на Земле, а тетрадка, которую он подарил в последнюю нашу встречу, лежит у меня на столе. Часто я открываю ее — учусь...

Век прошел и тысячелетие. Вон, когда решился я вывести ее в свет, познакомить с читателями. Дядя Петя не обиделся бы, только спросил бы: «Считаешь, можно? Ну, тогда, у чыстым виде, пусть чытают, хотя многовато там разных слов.. Ты ж знаешь, я их сильно люблю: за ними всегда есть шо-нибудь интересное».

Пусть читают, решил и я, слегка только приблизив дядипетин украинско-русский язык к русско-украинскому и сильно сократив объем. Уж это он мне простит. Не такое они нам прощали...

Выбранные места из тетради Дяди Пети Цымбала

Хорошая мысль: «Человек есть существо умное, но не мыслящее». Может, даже Эпикур сказал. А если бы был мыслящий, то сегодня жили бы мы с Мотрей и всем остальным человечеством у другом более приспособленном до людей мире.

План на сегодняшний день.

1. Успокоить нервы, бо Мотри будет плохо. 2. Поговорить с Мотрей 3. Успокоить нервы, бо могу наломать дров на все Замостье. Такой характер, у чыстым виде.

Алочка спрашует, как похудать ее Колечке, шо работает на мясокомбинате. Дал совета — пропиши ему угля, как у таких случаях советует наш сосед старый доктор Кутелык. Интересуется: у порошках или у таблетках? У мешках, говорю, пошли его на товарную станцию, вагоны разгружать, от.

Пришел и сел на скамейке Волощук. Недавно у него был удар, не двигалась левая половина всего тулова. Сейчас уже понемногу двигается. Говорит, шо настала старость, а ему токо срок пять годов. Я ему и сказал, када ты возбуждаешься не от горилки и женщины, а от грошей, тогда это старость. Засмеялся он одной половиной лица, другая еще не совсем. Но все-таки засмеялся. То — лучшее лекарство, от.

Сколько разов убеждаюся, шо женщины дуже не любят, када в них не видят женщину или, када в них видят токо женщину. То, у чыстым виде, шо им надо, шоб в них видели? У кого хочешь собьют прицел!

Идет со смены мясокомбинатный Коля. Муфта, собака наша общедомовая, зустрічает его за два квартала, ластится, прыгает: знает, шо получит какой кусочек продукции. А Коля ей виновато сообщает:

«Собачка Муфточка, звиняй меня, но сегодня комиссия была, БХЭСы шмонали, как гитлеры, ничего на смог украсти...» И шо вы думаете? Муфта все пойняла и простила его: побегла рядом.

Знаете, шо я вам скажу? Опыт своей жизни в серьезном вопросе. Спорют в сегодняшнем дне, чуть не до кулаков: хто это такой прячется под названием интеллигент. Даже такой самостоятельный человек как академик товарищ Лихачев увязался в этот двохконтинентальный спор.

Я же тоже человек, и мой голос единицы, что-то значит, бо лес складается из деревьев. И от я говорю свое мнение, которое, до слова, поддерживают и Гилько, и Серожа, и Лейзер, и Коля — тоже самостоятельные люди.

А вот и оно, мое мнение. Если ты много времени и непреклонно, почти перпендикулярно до своей жизни, думаешь над тем, шо тебя, а ну никак не касается и даже завтра будет тебе не нужно и, если у нас на скамейке тебе хотя бы раз в день задают вопроса: «Оно тебе надо?» — ты интеллигент.

У хорошего мужа — самовар всегда блищит, и жена всегда светится, у чистым виде. Потому шо муж этот есть кругом и всегда мужчина. Он не зависит от погоды и дня-ночи. Он всегда готовый до труда, обороны и доставления радости своей жене, от.

Читаю у книжке: «они занимались любовью». Шо то за время настало, если такое пишут и такое чытають? Дай Бог, шоб любов займалась тобою, сынку-письменник, а не ты ею.

От, писню спиваты, як Литвиненко-Вольгимут, или, там, рисуваты, як той Куинджи, то есть подарунок Бога и батьки з маткой. А если ты не желаешь робыты, а желаешь байдыки бить, то это токо твое желание и расчытуйся за него ты и токо ты, у чыстым виде.

Ото советують старые писатели, шоб молодые училися у народа. Был я на одной такой встрече у ДOME охфицеров. Там проходило собрание молодых письменников Винницкой области, шо пишут за армию. А я на то время чинил там водопровод: «колено» надо было менять. Ставили еще до войны. А в войну от дома одни стены, у чыстым виде, осталися, а колено стояло. Но скоко ж оно может стоять? Ну, чиню, а начальник Дома охфицеров, полковник, говорит: «Пока семинар пройдет, ты погуляй». А я остался.

Там и узнал, шо есть книги военные и заводские, колхозные и интеллигентские... А до этого думал, шо все книги за одно — за человека с его долей. А там, конечно, человек той может оказаться и сержантом и головою колхоза, и даже прохфесором...

Есть четыре вида жизни, на которые нельзя жалеть грошей, если они у тебя появилися. Первое и неукоснительное — то есть женщина во всех ее видах, аж до самой жены. Второе — горилка, если за столом или на скамейке сидят с чарками твои друзья. Третье — на главный орган человека, на здоровье. И — на то, шоб твое дитя получило законченное среднее образование в виде десяти классов нашей железнодорожной школы номер тридцать два.

На этом завершим знакомство с документом жизни под названием «У чыстым виде», автором которого был один из дядьков моего Замостья, один из моих учителей.

Живые изречения

Несколько изречений, которые путешествуют со мной с того момента, когда я их услышал. Живые, потому что не вычитано и не «чужое» — мое, «у чыстым виде», как сказал бы дядя Петя, с которым я вас еще познакомлю..

Пацаном я много и серьезно болел. Мама, сидя у моей кровати, часто, как заклинание, истово произносила одну и ту же фразу: «*Мир фар дир!*» Идиша я не понимал и на вопрос, что это значит, мне отвечалось: «Это значит, что я тебя люблю». Позже я узнал, что переводиться эта мини-молитва так: «*Мне — вместо тебя*». То есть, я прошу (кого? — мама была неверующей) болезни моего сына отдать мне. Когда болеет или страдает дорогой мне человек, частенько беззвучно повторяю я мамино заклинание.

Со второго класса безумно влюблялся. И страдал. Судьба, видимо, решила закалять меня в этом внесистемном и ненадежном, но решающем для мужчины «деле». В результате такого решения судьбы, все, в кого я влюблялся, коварно меня бросали, и я жестоко, в клочья, страдал. Мои друзья, которые от того второго класса и, слава

Богу, до сего дня все еще мои друзья, будучи свидетелями моих многолетних мук, как друзья верные, тоже сочувственно страдали.

Однажды, после очередного фиаско, силой в девять «отелло» — «она любит Вальку Умецкого...» — один из нас, русоголовый красавец Юрка Лобов, выдал живое изречение, ставшее не только спутником моей жизни, но и одним из ее девизов: «Влюбляться надо не так, как солома горит, а так, как стоит пирамида Хеопса».

Это произошло в довольно-таки не серьезном возрасте — хотя, как считать: стаж-то был со второго класса,— но с той поры, не переставая влюбляться, я перестал страдать. Действительно, не хватало еще страдать пирамиде Хеопса.

Как-то моя маленькая внучка, под настроение, неосмотрительно отказавшись от подарка, опомнилась и решила все же получить его. Застенчиво,— именно так, по стеночке,— подойдя ко мне, сказала: «Дед... Давай все начнем сначала!». И мы все начали сначала. И все было, как любила говорить эта маленькая хитрюганка, просто замечательно. Много отдал бы взрослый человек, чтобы иметь возможность, хотя бы один раз начать все сначала...

А мой второй внук, назвал наши «встречательные» и «прощательные» объятия, объятиями «для любви». Как прекрасно русский язык приемлет это: «Давай обнимем для любви!»

Как вы догадываетесь, из таких живых изречений каждый мал-мальски пишущий человек, мог бы составить свой словарь. Не хочу, чтобы было «пере». Пусть будет «недо». В нашем ремесле это всегда лучше.

Закончу нешуточным афоризмом, неожиданно подаренным мне знакомым уголовником-рецидивистом, которого я сумел увести из уже разгоревшейся драки: «Ты же на учете. Хочешь опять в зону? Ты, что, не понимаешь?» И тут я получил ответ, которому могут позавидовать отцы-философы: «Как я один могу понять их всех, когда они все не могут понять меня одного?»

* * *

Когда последний раз был в Виннице, по которой не сказать как истосковался, в застольном разговоре узнал я, что внук мой далекий и любимый не просто канадец, а по-замостянки, канадеец... Покатал я во рту это симпатичное, новое слово, помыслил его, и оно мне понравилось. Спасибо за него Замостью. А внук, как был за десять тысяч километров от меня, так и остался.

Да что надобно тебе, старче! Ноги носят. Обед каждый день на столе. Тихоптиху что-то пишется. Иногда выпадает напечататься, иногда пообщаться с такими же, как ты, эмигрантами. Беды пока нет. Бомбы рядом, громко и страшно, не падают. Внук вот далеко... И так долго. Тихая беда. Бабушка вспомнилась: «Без беды не живем...» Получается, что в моем возрасте даже тогда, когда все вроде хорошо,— беда стоит на стреме. Тихо стоит. Ждет. Хрен тебе в глотку! Сейчас вот пойду и по телефону поговорю с внуком, с дочкой.

«Внук, я люблю тебя...Передай привет твоей девушке...» «Дед, я тоже тебя люблю. Поцелуй бабушку». Поглажу телефонную трубку: вот они, рядом. Обнялись. Представил. Это мы умеем — писатели же... И — несколько минут... чтобы никто не видел...

